

НЕЛЛ УАЙТ-СМИТ

ДЕМОНОЛОГИЯ И Я СНЫ ЗИМЫ

Нелл Уайт-Смит

**Демонология и я.
Сны Зимы. Часть 3**

«Издательские решения»

Уайт-Смит Н.

Демонология и я. Сны Зимы. Часть 3 / Н. Уайт-Смит —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963851-9

Это — третья часть книги, которая повествует о приключениях чёрного кота-оборотня Пушистика, описание которых должны бы включать в себя слова «забавно» и «трагично», но вместо этого включают механизм разбалансировки всей мировой механики до того успешно колонизировавшей Хаос. Большие и страшные, милые и древние, молодые и миниатюрные демоны сражаются кто за мир, а кто против мира, формируя тем самым поле для бурной деятельности Пушистика как первого и единственного демонолога на свете.

ISBN 978-5-44-963851-9

© Уайт-Смит Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Краткое содержание предыдущих событий	8
Демонология и я. Сны Зимы	11
Пролог к третьей части	11
Глава 1. Я, сны Оружейницы, Конструктор и Синий	13
Глава 2. Я и разные дела, разговоры и странности в поезде	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Демонология и я. Сны Зимы

Часть 3

Нелл Уайт-Смит

© Нелл Уайт-Смит, 2019

ISBN 978-5-4496-3851-9 (т. 3)

ISBN 978-5-4493-9075-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Итак, мои дорогие читатели, я очень рада, что мы досюда добрались!

Никогда бы не подумала, что мне придется приветствовать вас на этих страницах, но упорство, достойное лучшего применения позволило мне, наконец, завершить работу над этой книгой.

Я переписывала «Сны Зимы» в общей сложности четыре раза, три из которых пришлось на предшествующий изданию год, поэтому для меня возможность сказать вам «привет» – победа, к которой я в некотором роде оказалась не подготовлена. Но раз уж у вселенной кончились рычаги противодействия мне, и все неудачи, уловки и подтасовки фактов, заставлявшие меня снова и снова переделывать текст, исчерпались – давайте же приступим к началу конца этой книги.

Но чу! Будьте внимательны, ведь текст, который вы читаете, – это третья часть книги «Сны Зимы». Не первая. Не вторая. **Третья.** Последняя. В этой части мы дойдем до конца. Если вы решили начать чтение с этой части, то это плохая идея, начните лучше с первой, будьте как все.

Сама же по себе книга же «Сны Зимы» – это первая книга серии романов «Демонология и я». После нее будет книга «Сердце Золотых Крон». Ну, не точно будет, а будет при двух условиях – если я справлюсь с ее изданием, и если ее кто-то будет ждать. И если вам показалось, что, прочитав эти строки, вы разобрались со всеми каверзами издания, которое держите в руках, то не беспокойтесь – все еще немного сложнее. Узнаете, когда дойдете до конца.

Ну, а теперь, дорогие читатели, я рада вас пригласить за порог этого странного мира, где нет деревьев, людей и государств, но зато есть механическая Луна, паровые Машины Творения и живые библиотеки.

К сожалению, формат издания не позволяет мне разместить в конце книги глоссарий, но зато на обороте этой страницы вы сможете найти QR-код. По нему вы попадете на мою страницу в «В контакте», а уж там этот глоссарий размещен в совершенно открытом доступе и постоянно обновляется (и ещё там дополнительные бесплатные рассказы). А если вы из тех, кто желает знакомиться с миром по мере погружения в него, то уверяю вас – значение всех терминов будет понятно из текста. В любом случае, обращайтесь внимание на сноски: в них полезная для восприятия текста информация.

А теперь читайте.

Эта книга – часть мультимедийного проекта SilverCast

Выпускающий продюсер – Наталья Тимофеева

Редакторы – Ксения Краевская и Наталья Ковалёва.

Краткое содержание предыдущих событий

(на случай, если вы их забыли или никогда не знали)

Черный кот-оборотень Китен (черный во всех ипостасях) уже десять лет беспочвенно мечтает стать демонологом. Демона он, правда, видел один раз в жизни. Но зато этого случайного взгляда Китену хватает для того, чтобы влюбиться в Зиму, супругу верховного демона мира Часовщика. За десять следующих лет ничего не происходит, но зато потом, при таинственных обстоятельствах другой демон, Ювелир оказывается ранен и болен непонятно чем. В попытке вылечить его, сохранив всё в тайне, Хранитель Храма, механический Дракон осматривает мир в поисках подходящего специалиста, и видит душу Китена, который по привычке мечтает стать демонологом и поесть.

Китен оказывается в Храме: бессонном городе-механизме, стоящем на границе Хаоса и мира. Случайно, Китену удаётся помочь Ювелиру, а кроме того узнать, что причина его болезни в нападении Тени – одного из существ, стремящихся трансформировать нынешний мир в его иную форму, Лабиринт. Эти существа преобразуют всё, чего касаются в новый вид материи. Все начинают говорить о возвращении Всадницы Хаоса, противницы Храма и мира.

Из-за действий Китена, Тени попадают в домен Зимы, ледяную систему озёр «Сны Зимы». Пришедший в себя Ювелир приказывает уничтожить зараженные площади. За это Часовщик изгоняет его из Храма, но не отменяет приказ. Зато демонесса Оружейница рада выполнить всё исполнить, получив взамен свободу в выражении собственных чувств к миру. Оружейница очень любит мир, а всё, что она любит она уничтожает.

Пытаясь спасти домен возлюбленной, Китен становится свидетелем её диалога с Часовщиком. Зима оказалась, поражена Тенями. Она отказывается покориться Часовщику даже ради лечения. Часовщик убивает Зиму. Поскольку смерть Зимы происходит в домене Оружейницы, то последняя объявляет свои права на тело Зимы, имеющее могущественные источники энергии и одновременно с этим – войну Храму.

А Китен пытается встретиться с новой инкарнацией Зимы, сделав это как можно незаметнее. Всё проходит не слишком удачно и Китен, (уже разнесший несколько залов Храма в предыдущих главах), сваливается на голову Часовщику в прямом смысле слова. Китен не пострадал, а у Часовщика началась интоксикация ядом стратегического класса. Яд находился в его организме и ранее, но никак себя не проявлял до травмы.

Со всем этим пытается разобраться старший брат Ювелира и Часовщика, сотворивший солнце и спроектировавший Луну, демон Конструктор, который ранее, следя за происходящим, мог только громко высказываться в обценно-негативном ключе.

Он категорически не согласен со всеми решениями Часовщика. С его точки зрения Китен – защитный механизм Храма. Поскольку все и каждое, беспорядочные на первый взгляд, действия непонятно откуда взявшегося Китена охранили Храм от хорошо составленного плана, способного в течении суток поставить на колени мир.

Тем не менее, Китен не доверяет никому и, оставшись предоставленным себе всего на десять минут, уговаривает Лири (дочь Ювелира и жены Конструктора) бросить всё и перенестись из Храма неизвестно куда (где, возможно и было совершено исходное нападение на Ювелира) для того, чтобы разобраться со всем лично. На этом месте мы закончили первую часть и начали вторую.

Место, куда попали Китен и Лири действительно оказалось местом, где было совершено исходное нападение на Ювелира: пещера, из которой есть путь вниз и ничего не видно. Спустя пару неловких ситуаций, Лири и Китен находят путь, которым снизу пришла Тень, Машину Творения, Машину Хаоса, Хаос и целую толпу Теней. Спасаясь на Машине Творения от всего

остального, наши герои пребывают в необозначенный на картах, но динамично развивающийся город Цветные Крыши, ведя за собой целое море уничтожающих всю материю на своём пути Теней.

Город, в который попали Лири и Китен был создан Ювелиром сразу по окончании Первой Войны Теней, и задумывался как второй Храм с собственным залом Творения. Он так и не стал таковым потому, что Конструктор не справился с созданием Машины Хаоса, зато с этой задачей буквально несколько лет назад справилась его жена и мать Лири, Иннар, организовав этим дырку в мироздании.

Сейчас Цветные Крыши считает себя врагом Храма, а потому уже много лет живёт в изоляции от него и Центра. Его поддерживает ключевой демон мира Хозяин Гор, чья супруга – демонесса-хранительница города, Призрак Цветных Крыш. Китен, в отличии от полностью разделяющий любую ненависть к Ювелиру Лири, рад был бы разобраться в причинах конфронтации, но у него нет времени – нужно спасти Цветные Крыши от Теней. Китен зовёт на помощь старшего ученика Ювелира мастера Эннора, тот соглашается помочь, перемещаясь в город. Он сообщает, что в городе есть механизм защиты именно на такой случай, но его можно использовать только отключив межи города. Хозяин Гор и Призрак отвергают этот план и Эннор вместе с Лири и отхватившим аллергический отёк гортани Китеном, пытается спасти город по собственному плану.

Они находят давно заброшенное сердце города, расположенное глубоко под землёй. Пока Хозяин Гор пытается остановить Теней, взяв под контроль вещество из которого те состоят, Призрак старается задержать Эннора, но чем ближе она к сердцу, тем яснее понимает, что Эннор прав и интересы города прямо противостоят интересам Хозяина Гор.

Китен совершенно потерян во всей этой неразберихе: он ранен, вымотан. Его настойчиво преследуют ведения о прошлом и настоящем этого города, он видит события с точек зрения различных демонов. Он старается изо всех сил, но ему остаётся только забиться в угол, надеясь, что он не погибнет в ожесточённых и бессмысленных боях.

Призрак не может принять решение и из-за её метаний Часовщик получает возможность исказить пространство, соединив Храм и город воедино. Он заставляет Хозяина Гор позволить интеграцию Храма и города и слить их межи. Теперь Тени у порога Храма. Опаснее всего они для Башни-из-Ветра-и-Пламени, чья хозяйка, Оружейница, вынуждена принять решение о детонации всего своего арсенала для защиты своей жизни. Она делает это с помощью камней, когда-то принадлежавших Зиме, и те позволяют ей использовать высвобожденную энергию и слиться с собственными Снами о полном уничтожении мира. Эта детонация уничтожает Теней.

(а я вам говорила, что лучше всё было просто читать по порядку)

Город спасён, Храм отступает, но Часовщик забирает Хозяина Гор в Храм. Призрак, желая его спасти, пытается довести Китена до пика его вновь обретенных пророческих способностей и этим призвать в город Ювелира, которого она надеется обменять на мужа. Эти надежды оказываются тщетны, хотя и позволяет Китену узнать всю историю города, брошенного Храмом в разгар эпидемии чумы.

В те дни Ювелир имел возможность спасти город (он оказался единственным, кто перенёс болезнь и выжил), но отказал. Призрак отправилась за помощью к Хозяину Гор. Тот находился в своём домене, Первородном огне, но не проснулся к сознанию. Приход Призрака изменил Хозяина Гор, он заступился за город, попытавшись отнять у Ювелира силой его кровь с антителами к чуме, но проиграл. Ювелир простил Хозяина Гор за нападение и вернул его в город. Эпидемию свёл на нет Всадник Хаоса.

Китен также узнает, что всю эту ситуацию видел Зима, а значит – всё повторится. После шага вперёд, полнолуния, Храм отпускает Хозяина Гор до этого убедив его, что своей заботой он не даёт Призраку (да и городу в целом) выбраться из трагедии той чумы. Желая это

исправить, Хозяин Гор, вернувшись в город, Хозяин Гор убивает Призрака. Китен уверен, что и его убьют и когда Хозяин Гор приближается к нему, Китен от страха использует только что открывшийся у него дар и перемещается в свой сон, к Зиме.

Вдвоём они теперь находятся в Снах Зимы, неподалёку от Холодного Дома. Вновь пришедшая демонесса ищет способ проснуться к созданию, то есть – влюбиться заново. В Холодном Доме её ждёт Часовщик. Китен боится, что Зима увидев его влюбится и повторит печальную судьбу своей прошлой инкарнации. Поэтому он нападает на ослабевшего от яда Часовщика и случайно убивает его. После Китен отказывает Зиме во взаимности.

В Холодный Дом приходит Конструктор, видит результат деятельности Китена. Китен, предвидя реакцию Конструктора самостоятельно выпрыгивает из дома. Из стремительно поднимающегося вверх дома.

И если вы ещё каким-то чудом продолжаете всё это понимать, то дальше читайте продолжение в основном тексте.

Демонология и я. Сны Зимы

Часть третья

*Посвящается
Ксении Римской и Вадиму Wayland Париуткину,
знакомством с которыми
я горжусь,
а также Михаилу Руденкову,
который, как и обычно, спас этот текст*

Пролог к третьей части

– Мне жаль, мне так жаль!.. – тихо произнесла Всадница Хаоса. – Есть ли что-то на черной и белой земле, что может дать мне надежду на прощение?..

Ювелир бросил беглый взгляд поверх тела произнесшей эти слова демонессы и, заменив инструменты, вернулся к работе над Машиной Творения.

Начинался новый месяц. Хаос находился максимально далеко, и Последний Порог казался удивительно тихим. В прежние времена, еще до Первой Войны Теней, Ювелир бывал здесь редко. Раньше он проводил обслуживание Машин Творения в специальном цехе. Тот, хотя и находился формально за чертой Седьмого Порога Храма, то есть в Зале Творения, однако располагался довольно далеко от последнего рубежа перед Хаосом.

Сейчас на территории, где примерно располагался этот цех, пока еще отдельными зданиями, стояли госпиталь, проектное бюро и некоторые цеха. По оценкам Ювелира, Храм поглощает их, интегрировав в свое тело в течение одного-двух поколений. Но время, нужное для того чтобы Зал Творения достиг прежних своих размеров, демон определить еще не мог. Возможно, легко это бы сделал Часовщик, но он спал в Следе Света после контакта с Тенью.

– Неужели в мире нет ни толики утешения для меня? Зима, – продолжала плакать Всадница Хаоса, протягивая куда-то вперед в слепом ищущем жесте руку, едва отрывая ее от Машины, – Зима, ведь я не хотела... я не хотела ничего этого... я пыталась их защитить...

– Возможно, – обронил Ювелир, освобождая из саркофага самоцветное сердце Машины и внимательно к нему приглядываясь, – возможно, ты хотела именно этого...

– Не стоит с ней говорить, господин, – прозвучал за спиной демона голос Зимы, – она все равно не услышит и не поймет вас.

– Я размышлял безадресно, белая госпожа, – ответил ей демон, все свое внимание уделяя поврежденному во время очередного шага вперед механизму, – но, с кем я бы поговорил, так это с Конструктором.

– Тогда почему бы вам не сделать это после того, как вы закончите работу? – тихо предложила Зима, не забыв мягко улыбнуться, поскольку понимала, что демон, даже не глядя на нее, прекрасно считывает движения ее мышц – он ждет удара в спину.

Ювелир извлек поврежденный самоцвет и, убрав его, достал на замену новый. Демон уточнил для Зимы свое намерение.

– Я хотел бы его повидать здесь. В Храме.

– Это невозможно, при всем моем уважении к вам. Я напомним мастеру Конструктору, чтобы он навестил вас в вашем новом домене. Как вы называли его? Цветные Крыши?

– Верно, – отозвался Ювелир, начав корректировать внутренние механизмы Машины, чьи неточности настройки привели к повреждению камня.

– Пожалуйста, – шептала, заходясь в полубреду, прикованная к Машине Творения демонесса, – пожалуйста, если бы вы только знали, как мне жаль... как жаль...

– Красивое название для города, – отметила Зима, бросив на свою пленницу короткий взгляд, – почему вы его назвали его так?.. Выбирали по наитию? Случайности? Или это название – история вашего обещания Черному Дракону вернуть ему возможность летать?

Ювелир поднялся на ноги, закрывая саркофаг и собирая разрозненные детали Машины уже телекинетически, не касаясь их.

– Мне пора возвращаться в свой новый домен, госпожа.

Зима, уловив какую-то непрошеную кроткую тень печали в своем сердце, не ответила. Демонесса не знала причины этой грусти. Возможно, она происходила от глубокого чувства вины перед Всадницей, тяжело обременявшего беловолосую демонессу, или от необходимости говорить с Ювелиром. Рядом с ним Зима тоже испытывала некий сорт горькой тяготы, неизменно отсылавший ее памятью к первым годам нового мира.

Ее снедало противоречивое желание поговорить с ним о том времени. Словно бы в этом разговоре властительница мира и Храма смогла бы доказывать себе, что навязанный Зимой Ювелиру конфликт, испортивший ее отношения с Конструктором, являлся жесткой необходимостью. Частью мировой механики. Имея власть, Зима не верила в нее.

– Как себя чувствует господин Черный Дракон? – тихо спросила демонесса.

Черный Дракон старел, и дни его клонились к закату. Зима понимала, что Ювелир ответит приветливо, но уклончиво, воспользовавшись возможностью еще немного задержаться в Храме. Он скажет «все хорошо», дав ей возможность продолжать беседу, и тогда она... Не удостоив Зиму ответа, Ювелир исчез. И... одновременно с этим – остался на месте.

Зима застыла, не понимая, как оценивать свои чувства. Она точно знала, что Ювелир пропал, она помнила это, но все же она продолжала смотреть на него. Станные, накладывавшиеся друг на друга воспоминания об одном и том же мгновении превращались внутри головы в сплетенный воедино низкий вой...

– Ты помнишь, как ты целовал меня там, в Лабиринте? – тихо и страшно прошептала Всадница Хаоса, обращаясь к Ювелиру и вполне осмысленно смотря ему в глаза.

Сейчас она крепко держала демона за запястье, и Зима точно отдавала себе отчет, что именно в этом движении, в этой хватке и кроется причина того, что Ювелир не смог исчезнуть мгновенно из Зала Творения. Это Лабиринт ему не дал, это Всадница, сбросившая с себя большую часть наркотического морока, каким-то невозможным усилием воли не дала.

– Ты помнишь свет Сотворителя и мягкость мира, законченного творением, мой мастер? – продолжила вопрошать, показывая зубы, испачканные кровью от прокушенных губ, демонесса с изумрудными глазами. – Ты помнишь, как ты вошел за мной туда? Ты вошел. Так что знай: я раздроблю твои кости, и я выверну тебе суставы, отниму у тебя возможность мыслить, а пальцы твои будут крошиться от холода. Но ты будешь идти ко мне, чтобы снова заключить меня в объятия!

Ювелир никак не ответил ей, также, как он не ответил секунду назад и Зиме. Действуя с холодной машинной скупостью движений, он взял один из инструментов с достаточно острой кромкой и один за другим отрезал Всаднице Хаоса все, кроме большого, пальцы на державшей его руке, а затем, отерев инструмент, исчез из Храма.

– Простите, – тихо заплакала, утратившая тот безумный контроль над собственной волей Всадница, словно не чувствуя боли, – я сделала так много зла... Разве невозможно, чтобы в мире кто-то простил меня?..

– Я простила, – тихо и искренне сказала ей Зима и, подойдя, принялась перевязывать раны подолом собственного белоснежного платья, – моя девочка, ты была права в те часы. И до них, и после... Ты, – она обняла так и не переставшую стонать в забытии демонессу, – ты одна во всем права.

Глава 1. Я, сны Оружейницы, Конструктор и Синий

Итак, мои дорогие читатели, несмотря на то, что я, думая о чем угодно, кроме последствий, выпрыгнул из стремительно поднимавшегося вверх здания, я не умер.

И вообще, со мной не произошло ничего плохого: я почти сразу же попал на какую-то если не вовсе горизонтальную, то, во всяком случае, имевшую достаточно безопасный наклон внешнюю часть дома. Там я и остался, раскинув пошире руки и ноги и закрепившись таким неприятным образом. Мне не удавалось разглядеть вокруг ничего, кроме снега, где все еще содержалось довольно много стекла и песочной пыли. Эти взвеси не давали мне ни малейшей возможности даже приподнять голову, уже не говоря о большем.

И потому, за неимением ни единой идеи об улучшении собственного состояния дел, я принял универсальное решение оставаться, где есть, и ждать помощи, постепенно замерзая насмерть.

Я прекрасно понимал, что если происходящие с Холодным Домом метаморфозы не какая-то инсинуация неясного генеза, а некий спланированный акт, то после завершения процесса поднятия здания инженеры обязательно начнут обходить его, проверяя, нет ли каких повреждений. Главное, чтобы процесс осмотра начался прежде, чем закончится процесс моего фатального охлаждения, а остальные неудобства показались мне довольно терпимыми.

Терпение это давалось мне, однако, с трудом. К тому же ухудшало мое положение и то, что я оставался неподвижен. Конечно, нашлись и светлые стороны: сейчас в одежде и механоидной ипостаси мне этот холод казался уже не так страшен, как в минуты моего первого визита в Сны. По крайней мере, я так думал первые десять минут, после чего меня живо переубедило статическое напряжение мышц, проникающий холод и зуд по всей коже от стеклянной крошки.

Стараясь не слишком падать духом, я стал думать о Зиме. Дело это, как вы понимаете, очень быстро меня увлекло. Я размышлял сразу в два направления – где моя милая Зима находится, и можно ли ее считать той же моей милой Зимой, что и ту, что погибла всего несколько дней назад. А может, то две разные мои милые Зимы, и я теперь разом влюблен в двоих? Вопросы требовали осмысления, и это вполне помогло мне скоротать время до того самого момента, как у меня над ухом прозвучал вежливо обратившийся ко мне женский голос:

– Добрый день, господин... Пушистик? – я скосил глаза вправо, на левитирующую рядом женщину. – Мастер просил вам передать, что он дает разрешение вернуться. – Я продолжал коситься, а она продолжала говорить, хотя уже не так вежливо, потому что вежливость ей явно быстро надоела. – Вам повезло, что я знаю, как ведут себя сиганувшие с балкона домашние коты, и я вас нашла. Теперь вам следует поблагодарить меня, мастера и дать руку.

– Я не могу, – ответил я, и, заставив напрячься память, признал в своей собеседнице коллегу Лири и Эннора по мастерской Ювелира, где я и видел ее в первый и последний раз в жизни.

Полненькая, но очаровательная огранщица левитировала на энергетических связях от сердца Холодного Дома. Я заставил память работать сильнее и вспомнил, как Конструктор называл ее по имени – Тайла. Я пояснил ей ситуацию:

– У меня явык приип.

– Ты шутишь? – перешла она на ты, устало бросив разом весь ненужный официоз. Затем присмотрелась и убедилась лично в плачевном моем положении. Оно вовсе не позабавило ее.

– Ты... случайно лизнул крышу, – констатировала Тайла.

Я не стал признаваться ей в том, что дело не в случайности: я так тормозил. Да, метод не слишком удачный, но я ведь удержался в итоге. Осмотрев меня, огранщица заключила:

– У меня с собой нет никакого теплого питья, так что сложи руки трубочкой и дыши на язык, – велела она мне, – это работает через пару минут. Главное, не дергайся.

– А ты мне не поожешь? – уточнил я на всякий случай, так, для болтовни.

Поскольку подумал ненароком, что поддержание беседы поможет мне как-то справиться со всем, что со мной происходило и с чем еще не начинал разбираться. Я просто сваливал все, что узнавал и испытывал, куда-то в темный чулан сознания, чтобы подумать об этом потом. Как-нибудь, не сейчас. Или умереть, вообще избавившись от необходимости это распутывать.

Тем более что всерьез я вряд ли мог осмыслять что-то, кроме переживаний о Зиме. Хотя даже они сейчас стали мне казаться очень тяжелой и сложной темой: как-то неожиданно кончились все обычные, простые, понятные мне чувства. И чтобы разобраться в собственных лабиринтах эмоций, мне, прежде всего, следовало решить вопрос об идентичности разных инкарнаций демонов. Затем, рассмотрев разные варианты пришествия новых ипостасей от почти одинаковых, как у Садовника, до совсем разных, как у Оружейницы/ка или Всадницы/ка Хаоса, я...

– Ближко держи руки! – громко наказала мне Тайла, о которой я забыл. Я испугался, дернулся и надорвал язык. Стало ужасно, до темноты в глазах, больно, и сильно закривило.

К счастью, это прискорбное происшествие позволило мне освободиться, и я отлип от только-только согретой моим собственным теплом крышной жести. Ветер сразу воспользовался этим и отнял крохи сэкономленного тепла.

Тайла, взглянув на все это скорее утомленно, чем снисходительно, шагнула ко мне на крышной скат, нажала мне на затылок, этим самым придержав и не дав разогнуться:

– Да наклони ты голову и не пытайся глотать кровь, у меня где-то платок при себе...

И в этот момент все здание здорово трянуло. Мы с Тайлой схватились друг за дружку, синхронно вскрикнув. Мне показалось, что мы сорвались. Точнее, я видел, что мы сорвались, что под ногами ничего нет, кроме далекой земли и перемешанного со стеклом снега.

Потом, в течение этой жуткой головокружительной секунды осознания, я понял, что нет, мы стоим на месте, мы не падаем, точнее не движемся вниз, и лишь затем распознал оптическую иллюзию – все здание под нами в один миг стало прозрачным. Промелькнув, это безумное осознание перестало помещаться у меня в голове, отправившись сразу к мыслям, ожидавшим своей очереди на мое внимание.

Хмыкнув, я легким жестом эмпирического нигилизма отринул все, что знал о зданиях, и просто принял мир как есть в нынешнем его состоянии. Ну, просто здание стало прозрачным. И начало опять погружаться в земную твердь. Наверное, это безопасно. Или мы умрем.

Однако Тайлу происходящее напугало. Значит, учитывая то, что она в отличие от меня понимала, что здесь происходит, мне тоже следовало убоаться. Я попробовал, но не смог.

– Мы должны прыгать! – закричала на меня Тайла. – Вниз!

И ее голос меня отрезвил. Заторможенные нервные реакции, уже начавшие пасовать перед ситуацией, мгновенно вспыхнули, бросив меня в дрожь, а затем в жар.

– Не! Не! – крикнул я Тайле, не позволив ей коснуться себя, и продолжил, разбрызгивая при каждом слове кровь изо рта. – У меня с гоовой все наально.

– Прыгай!

– Я хоу иить! Я оу ить аоавлваныаоао!!

– Я объясню тебе, почему это безопасно, объясню! – сказала, стремясь меня успокоить, Тайла, и я замер, дав ей шанс.

– Так, – выдохнула она, поставив ноги пошире, и я прочел в ее интонации безусловную готовность бросить меня, если я не пойму, – время и энергия – это одно и то же...

Я просто прыгнул вниз.

И мы действительно не разбились! Несколькими (излишне освежающими) секундами спустя мы оба целые и в меру невредимые оказались у подножья Холодного Дома, и я так и не понял (даже потом, запросив разъяснения специалистов), что толком произошло.

Стены исполинского здания тем временем не прекратили своих метаморфоз: сперва превратившись во что-то стеклоподобное, теперь они у самой кромки земли стали окрашиваться то ли алым, то ли бурым. Все это вместе напоминало какое-то огромное кровоизлияние, поглощавшее этот дом изнутри стен.

Поднявшись на ноги на дрожавшей вокруг Холодного Дома земле, Тайла, забыв вовсе о факте моего присутствия, помчалась в обход этого уникального строения, чью архитектуру я толком оценить так и не смог. Задрав на секунду голову на кроваво-красные стены, я поспешил за огранницей, хромая на обе окаменевшие от холода ноги.

Начав отставать, я закричал ей вслед и сразу закашлялся от крови во рту, холодного воздуха и забитого носа. Попытавшись как-то исправить все это, я выставил язык на улицу, чтобы кровь быстрее остановилась. Тогда я бы смог если не нормально разговаривать, то хоть с большим комфортом кричать от ужаса.

Признаюсь, дорогие читатели, мне как-то казалось раньше, что в критических ситуациях такие мелочи, как ссадины и насморк, не должны беспокоить сосредоточенного на приключениях героя. Но, глядя на то, как погружаются в снег недавно восставшие из него стены Холодного Дома, я почему-то только о насморке своем и переживал. О нем, о снеге в тапочке и о том, что от мороза мне хочется писать. Вот этим-то и наполнив багаж своих дум, с пульсирующим опухшим языком я и поспешил нагнать Тайлу.

Она, прижавшись лицом и руками к медленно ползущей вниз, окрашивавшейся в багровое двери, пыталась сделать с ней что-то. Приглядевшись, я понял, что дверь не просто закрыта, а срослась со стеной. Да что она – весь дом стал монолитом. Алым прозрачным монолитом, что никого и никогда уже не впустит в себя. Хотя Тайла, кажется, знала, что делает. Ее прикосновения имели какой-то особенный смысл, словно диалог на уровне обмена энергией и магнитных потоков, возможно, что-то еще, нечто глубокое и древнее.

Я доковылял до нее на негнущихся ногах, с высунутым языком, потрогал за плечо, глядя на пустоши, и доложил:

– Ххра!

– Пушистик... не до вас, – огрызнулась Тайла. Я не отставал, начав теревать ее снова, при этом осознавая, откуда взялись тоновые моделирующие окончания в лайре, и впервые в жизни добившись их идеального произношения:

– Ххра... там! Тамххра!

– Тени? – выдохнула Тайла, продолжая сосредоточенно делать, что делала, не оборачиваясь. – Сколько их?

Но... нет, нам угрожали не Тени, а что нам угрожало, я не знал, поэтому и говорить ничего не стал, чтобы не путать. Мое молчание нервировало огранницу, и она, теряя надежду справиться со входом в Холодный Дом, снова уточнила у меня:

– Как далеко?

И я опять не ответил. Это побудило ее, обозвав меня, обернуться. И мы вместе стали пялиться на шпарящие вверх от самой земли огромные столбы рыжего света. Что же там находилось такое, чтобы выдавать настолько мощный световой поток? Какой-то огромный подземный маяк? Зачем... зачем, вообще, могут понадобиться подземные маяки?... Зачем кому-то светить в небо с такой силой? Линий в одно мгновение стало больше. Новые появились по щелчку, повороту незримой для нас шестерни, и теперь эти новые устрашающие линии тоже с неистовой силой светили вверх, располагаясь одна параллельно другой. У них внутри хорошо просматривались искрящийся снег и стеклянная пыль.

– Нелогично как-то, – выдохнула Тайла как-то буднично, – здесь-то почему?

– Ну... к..., – произнеся эту букву, я осторожно коснулся кончиком языка зубов, проверяя, что войровая корочка выросла и больше не закровит, – кажется, на классах географии нам рассказывали про такой вид гало, и как раз на севере...

Меня прервал взрыв. Страшный и совсем рядом.

– Это Сны Оружейницы, идиот! – заорала Тайла, закрыв голову руками. – Она пошла против мира! Но здесь-то зачем?! Здесь пустота!..

– Это так важно сейчас? – спросил я, не зная, куда смотреть, – на эти штуки впереди или на опускающееся здание. – Что нам сейчас делать?

– Я уйду в Храм, – однозначно решила Тайла и, поскольку она не советовалась, то я схватил ее за руку крепко, чтобы перенестись с ней.

Но Тайла вместо того, чтобы спасти нас обоих или хотя бы выбраться самой, просто поблуднела. Я понял, что у нее ничего не вышло, и замер без единой идеи в голове.

Переведя беспомощный взгляд в сторону Холодного Дома, я увидел Зиму внутри здания, за стеклом, покрывающимся кроваво-красными разводами, и, отпустив руку Тайлы, бросился к демонессе. Совершенно бесполезное действие. В результате этого порыва я понял только, что стены здесь неимоверно толстые, и прижавшаяся к стеклу-камню Зима показалась мне очень далекой, возможно, в трех или четырех метрах от меня, плюс искажение...

И над нами опять прогремел взрыв. Теперь я успел заметить, что это один из световых столбов мгновенно превратился в шар наподобие блуждающей молнии и с невообразимой (я не видел, как он это сделал) скоростью врезался в Дом. Я упал на колени, закрыв голову.

– Я не смогла пробиться! Храм не принял! – закричала Тайла. – Там что-то случилось!

В подтверждение ее слов ударило опять и опять. Притом гораздо ближе, чем раньше, и, подняв вверх глаза, слезящиеся от каменной и стеклянной крошки, я указал Тайле на пролом. Крикнул ей, стараясь пересилить звон в ушах, чтобы лезла туда.

Я помнил, что в тот момент у меня в голове крутилась такая неподходящая к этой ситуации мысль о том, что я очень устал, хочу спать, поесть горячего и так далее. Что основная цель моя – найти себе спокойный уголок, спрятаться, успокоиться и прийти в себя. Я хотел обезопасить собственную жизнь, и это являлось главным моим инстинктивным над-разумным стремлением. Я думал, одним словом, правильные мысли.

И в то же время опять кто-то словно требовал от меня рисковать. Я страшился, но подчинился этому внутреннему властному голосу, хотя знал прекрасно, что никто не приказывает. И мне стало жалко себя в этот момент – ой, жалко – только жалость эта казалась блеклой и далекой, а холодное зябкое чувство спокойного вдохновения – полным и рельефным.

Тайла, оставленная без своего арсенала огранщицы, посмотрела на меня. Ее взгляд казался мне очень обыденным, будто границы между нами по положению в обществе стерлись, и мы стали простыми приятелями. И я понял почему-то, что это – взгляд механоида, чья смерть стоит за плечами. Тайла отвернулась и с полной решимостью потянулась к пролому в стене.

Холодный Дом продолжил опускаться. Ближайшая прореха скоро оказалась в досягаемости, и я посадил Тайлу. А дальше подтянулся на руках и сам (раньше я как-то никогда этого делать не пробовал, но у меня прекрасно получилось с первого же раза). Этот успех дал мне уверенность, что мы заберемся внутрь, раз уж осталось совсем немного, и зря: Холодный дом накрыло прицельными ударами, как огненным веером. Я схватил Тайлу за ногу, и мы так и застыли в страхе, не смея подвинуться ни на миллиметр, а потом я услышал, что Тайла кричит. Не криком раненой, нет. Скорее кого-то, кто только что потерял близкого ему механоида или... надежду на спасение?

Посмотрев вперед, я понял, что бреши, куда мы только что стремились, больше не существует. Она затянулась сама собой. Есть другая, только дальше и выше. До нее нужно карабкаться или ждать под этим обстрелом, пока она сама опустится к нам, если опять не зарастет по дороге. Тайла дернула вверх.

– Стой! – закричал я. – Стой, беги в другую сторону! Прочь от Дома, она не целится туда!

– Там ничего нет! – пересиливая грохот, уже с хрипотой ответила мне она.

– Она целится сюда, на дне озера безопасней! – ответил я, действительно веря в тот момент в свою идею. – Мы умрем, да, мы умрем, но ведь на два часа позже!

– Мы можем просто раствориться в ее Снах! Она наверняка как-то преобразует материю!

– Какую именно материю? Черное вещество? Белое? Первородное? Тело Хаоса?

– Я не знаю, – заорала Тайла настолько искренне, что я перестал себя чувствовать дураком.

Я помню, как понял в тот момент, что нашел ту самую границу, где начинаются вещи, неизвестные вообще никому. И никто нас, случись что, вовремя не поправит. Что там, дальше нет мастерской руки. Что мы у пропасти, и нужно прыгать в пропасть.

Тем временем мы снова оказались на земле, благополучно до нее доехав, а примеченная нами дыра в Холодном Доме принялась затягиваться.

Я дернул вверх и потащил за собой Тайлу. Мы двинулись очень быстро. Добрались до бреши буквально за несколько секунд, я решил подтянуть Тайлу, чтобы она лезла первой, но, по привычке взяв ее за талию и решив перебросить вверх, понял, что физически с этим не справлюсь. А потому, чтобы не терять времени, нырнул в пролом, из-за толщины стен больше походивший на лаз. Громыкнуло опять, меня обдало новой волной жара сзади.

Я даже не знал, жива осталась ли при этом Тайла, или ее испепелила прошедшая сзади меня огненная волна. Шестиметровый туннель, ведущий к спасению, сужался со всех сторон, обещая запаять нас внутри багрового стекла-камня.

Я полз так быстро, как только мог, но уже очень скоро понял, что торможу собой Тайлу. Она не иначе как родилась для перемещения на четвереньках. Лаз сужался стремительно, и в последнюю секунду я вытянулся струной и зацепился за край стены, за счет чего и выбрался, а дальше вытащил волоком уже не способную двигаться внутри огранщцу.

Мы остались живы и целы. А дыра за нами быстренько заросла. Удары и взрывы счастливо остались за ней и стали звучать приглушенно. Как-то даже не верилось.

– Ерунда какая-то, – прокомментировал я произошедшее, коснувшись заросшего места крупно дрожащей рукой.

– Нет, это как раз нормально, – сказала Тайла, сев на пол и прислонившись спиной к стене. – Ты... – она осеклась, сглотнула и поправилась: – Вы...

– Да «ты», конечно, – улыбнулся я, и Тайла, потеряв с этой заминкой нить рассуждений начала с другого:

– Цитадели Хозяина Гор, начиная с определенного возраста, обычно это сорок или пятьдесят поколений, учатся самостоятельно работать с черным веществом. Здания сами становятся мастерами его преобразования. Эта башня – Белая Цитадель Хозяина Гор, и она более древняя, чем этот мир. Поэтому демон ее и выбрал.

– А, – улыбнулся я, поставив руки на пояс, и сделал себе немного демонологии. – «Демон» – это Ювелир, это я помню. Отлично! Значит, это здание – на самом деле Белая Цитадель Хозяина Гор. А что тогда Холодный Дом?

– Система жизнеобеспечения, – поспешно ответила Тайла, сняв перчатки с дрожащих рук и пригладив волосы. Она цеплялась за наш разговор так же, как я после смерти Зимы цеплялся за любые проявления нормальности. – Она позволяет постепенно заменять органические части тела на механику без вреда для пациента. Сейчас она ушла в широкое применение.

– Но полностью органику на механику ведь не меняют. Именно поэтому возник конфликт душ механоида и голема? Тогда не знали этой проблемы? Демон ваш мог бы и додуматься.

– Это сложно, Пушистик. Сколько камней составляет кучу? Это классическая задача Зейррана¹. Сколько нужно заменить частей тела, для того чтобы мы потеряли самоидентич-

¹ Зейрран – герой эпоса. Голем, обвязавший себя нитью и отправившийся в путешествие. За время пути он обошел все города и постепенно заменил каждую деталь своего тела на новую, а нить за его спиной превратилась в железнодорожный

ность, и в какой момент в механизме зарождается душа? Есть теория, согласно которой наша душа не константна, она постоянно создается и постоянно исчезает. Наше тело – механизм, механизм рождает душу. И душа – река, а не стоячая заводь.

– Не река, нет, иначе бы мы постоянно себя теряли. Душа – как система озер.

Звуки ударов стали почти неслышны. Белая Цитадель уходила вниз. Я посмотрел на бледную Тайлу с посиневшими от страха губами, снял кардиган и, укрыв им девушку поверх ее собственной теплой куртки, хотел сесть рядом, но потом понял, что не стряхнул с плеч Тайлы снег, прежде чем ее утеплить. Я принялся сбивать белые хлопья.

– Все Цитадели Хозяина Гор теперь идут в центр земли, – сказала Тайла, и я понял, что именно это ее пугало больше всего. Больше, чем эти кошмарные Сны Оружейницы бушующие там, на поверхности. – Как твой язык? Болит?

– Да вроде бы нет, но завтра, боюсь, распухнет, и буду я... – начал я жаловаться, проверяя при этом, действительно ли кровь перестала течь, ну и, само собой, скovyрнул зубами корочку. Кровь снова хлынула с прежней силой.

– Я помогу, – добродушно предложила Тайла. Достала дамский платочек из внутреннего кармана серой спецовки и, шмыгнув носом то ли от отступающего холода, то ли так, для сосредоточенности, принялась заниматься моей травмой:

– Я знаю, что делаю. Дома я знала пару мальчишек с соседней улицы...

– И я бы с удовольствием про это послушал, Тайла, ведь именно это сейчас так важно! А то, что у тебя здание уползло, – такие мелочи, – сообщил нам появившийся рядом Конструктор и бодро меня похвалил: – А ты молодец, Пушистик, что не голый! Делаешь определенные успехи, но в следующий раз все-таки выбери не дырявые носки.

Обернувшись на демона, я поспешил подняться на ноги и зачем-то проверил, нормально ли заправлена рубашка. Конструктор стоял перед нами, держа на одном плече тело Часовщика, а на другом – Зиму. Или... или тело Зимы? Я замер, не желая узнавать ответ на этот вопрос, но демонесса пошевелилась, успокоив меня этим.

– Я провела диагностику основных систем Сердца и подняла Цитадель, мастер, – поспешила оправдаться Тайла.

– Да, – согласился саркастически Конструктор, – я вижу, что Цитадель поднята, и высота ее над уровнем моря растет. Не с тем знаком перед числом, правда, но...

– Мастер, я проверяла целостность конструкции, когда... меня сбило со связей. Произошел какой-то мощный всплеск энергии, и дальше...

– Это из-за моего непутевого брата, – разъяснил ей демон, подергав тем плечом, где висел Часовщик, – он сдох, несмотря на все мои контраргументы.

Мне стало жалко и Конструктора тоже. «Тоже» потому, что я пожалел его почти так же, как жалел себя из-за Зимы: нам с ним следовало делать вид, что все порядке. Ну, подумаешь – умерли наши близкие, новые будут! И это... сложно, действительно.

– Мастер, Цитадель запечатана, – напомнила о проблеме Тайла.

– Да, Тайла. Она именно запечатана. И она идет вниз, она идет в центр земли.

– Мастер...

– Мастер, Оружейница атакует одновременно все цитадели Хозяина Гор, а он все их ведет вниз, – вмешался я. Конструктор, с интересом подернув бровями, уточнил:

– Именно все? Откуда у котика такая информация?

– Котик видел во сне, – мрачно ответил я, – я теперь вижу, как только засыпаю всякие сцены из жизни демонов. Это и есть тот паранормальный дар от Ювелира. Видимо, дар проснулся со смертью Зимы из-за психологической травмы.

– О как, – заключил Конструктор, – а то, что Хозяин Гор сейчас тратит все силы на поддержание изоляции Цветных Крыш, и для этого нужно энергии как двум с половиной Храмам, котику во сне показывали, или наш котик спит невнимательно?

– Хозяин Гор убил Призрака Цветных Крыш, – сообщил я.

– Это тоже приснилось?

– Нет, я видел это наяву. А потом я вошел в свой сон, и...

– Все, хватит! – раздраженно прервал меня Конструктор, и Тайла, сочтя это за знак, поспешила заняться работой. Сняв рабочие перчатки с пояса, она устремилась прочь от нас по коридору. Демон же, решив придать этому маневру нужный вектор, наказал:

– Иди к Синему. Я запустил процесс пробуждения, проследи и займись межами.

С этим девушка поспешно ушла, наверное все еще чувствуя неловкость. Когда мы остались одни, Конструктор посмотрел на меня внимательно, и мне стало до известной степени неуютно от этого взгляда, но больше – интересно. Он меня спросил:

– Теперь ты разобрался со своими алгоритмами?

– Нет у меня никаких алгоритмов, и не имелось никогда, – ответил я не слишком приветливо. К нам подошла служка и принесла мне обувь, приличную куртку, новые носки и пару носовых платков. Я посмотрел на все это богатство, но пока одеваться не стал.

– Мир действовал так, – пояснил мне Конструктор. – Часовщик благословляет Машины Творения, и они делают шаг вперед, Зима видит это, и ее Предназначение гарантирует то, что шаг опять будет сделан. Но прошлый шаг вперед Зима не видела, и Часовщика больше нет в живых. Миру остался только один месяц жизни.

– Но на этот случай же есть какой-то запасной план? – задал довольно очевидный вопрос я.

– Да, – согласился Конструктор, – план есть.

С этими словами он развернулся и пошел вслед за Тайлой. И раз уж он не исчез, то явно пригласил этим меня к продолжению разговора, и я послушно за ним поспешил.

– Но я не мог поступить в отношении Зимы иначе! Она обязательно должна любить и обязательно должна стать счастливой!

– Но уже в любом случае не с тобой, да, котик? – уточнил легким тоном Конструктор, и я разозлился:

– Нет! Она не станет моей женой, что заставит ее неизбежно уйти, и она не станет моей любовницей, что неизбежно заставит ее разочароваться в нашей связи. Но она запомнит меня! Запомнит меня навсегда! Я стану кем-то особенным для нее!

– Это кем?

– Ее отцом.

Знаете, один раз мастеру нашего рабочего дома, Айвару, сказали, что наш восьмилетний воспитанник проигрался на бирже ценных бумаг. Так вот, у мастера Конструктора сейчас выражение лица стало примерно таким же.

– Кем, прости?

– Отцом, – повторил я, – тем, кто ее создал. Кто ее отпустил в бытие. Я внимательно следил за событиями в Цветных Крышах, анализировал, и заметил, что Ювелир – отец призраку-хранителю города, потому что он создал условия для формирования демона. И я сейчас поступил так же. Я отказался от Зимы – я дал ей свободу. Я создал ее!

– Пушистик, – вздохнул Конструктор, – ты... очень талантливый мальчик.

– Я не мальчик, – парировал я по привычке, не очень поняв его реакцию.

– Но очень талантливый. Терпеть не могу таких. Вам все досталось даром. Слушай, – прервал он усталым тоном наш разговор, – одевайся и спускайся на нижний этаж к вокзалу, там будет ждать единственный локомотив, Синий. В нем и встретимся.

С этими словами он пропал.

А я погрел руки в карманах и, поскольку дальше делать оказалось нечего, пошел приводить себя в относительный порядок. Куртка мне досталась теплая и отлично мне подошла, а вот с ботинками здешняя хозяйка не угадала. Как и почти вся новая обувь, эта пара уже с первых шагов принялась натирать мне пальцы, и это оказалось никак не поправить.

Я направился вперед, периодически останавливаясь, для того чтобы поправить ботинок или подтянуть носок. А вот госпожа Элнара удивительным образом подобрала все точно, и я сразу же смог бегать, совсем не разношивая обновки. Вот вам – класс личной службы.

До вокзала меня проводил служка – парень довольно молодой, с интеллектом на уверенную шестую ступень. Наверняка при рождении природа его наградила семеркой или даже совсем грустной восьмеркой, но его подтянули из-за доброго нрава, физической силы и услужливости. Таких сотрудников отлично нанимают, и стоят они порой побольше, чем их сверстники с четвертой или даже третьей (как у меня) ступенью интеллекта.

Я уточнил у него кое-что про это место и узнал из ответов, что Белой Цитадели уже очень много поколений, может, шестьдесят, а может, и больше, и она, построенная еще до Первой Войны Теней, стоит здесь с прошлого мира. Но оборудование в ней новое. И вообще, обставлена она хорошо, контур полностью замкнут, и очень здорово, что она идет наконец в центр земли – хоть какое-никакое, а разнообразие в здешней жизни, не знавшей особенных развлечений с того момента, как Зима оставила Храм.

Об источниках финансирования этого здания и его сотрудников я деликатно спрашивать не стал, поскольку служка мне бы все равно не ответил, а интуиция подсказывала довольно очевидный ответ, вполне достойный того, чтобы о нем умолчать.

Спустившись на несколько этажей вниз с помощью специального подъемного механизма (обстановка здесь провозглашала принцип «больше воздуха, меньше мебели»), мы прошли несколькими вовсе безликими коридорами и выбрались на вокзал.

Конечно, слово «вокзал» прозвучало слишком напыщенно – это помещение скорее представляло собой что-то вроде небольшой крытой платформы с единственной железнодорожной колеей. Но зато красавец, что на ней стоял, поразил меня в самое сердце.

– Это господин Синий, – представил нас мой проводник. Не пускаясь в объяснения далее, он отдал мне знак вежливого прощания и собрался уходить.

– Постойте, – окликнул его я, уже почти привычным движением подтянув носок, для того чтобы как-то устроить наиболее натертый палец ноги поудобнее, – а разве вы не собираетесь эвакуироваться?

– Куда это? – удивился он.

– Обратно, в мир. Туда поедет ваша госпожа, Зима.

– Ну... Я работаю со зданием, – отдал знак принятия мне служка.

– Но Цитадель идет в центр земли! Никто не знает, что с ней будет!

– Так и выясним, – улыбнулся мне мой чудной собеседник, с чем и покинул меня.

А я направился ближе к проверявшему что-то снаружи поезда Конструктору, но сам, конечно же, смотрел только на поезд. Какой же красавец! Я раньше не знал, что столько труда можно вложить в один единственный состав: огромный локомотив со множеством колес, с меня высотой, все, что находилось снаружи, обработано очень тонко, и серебристая сталь действительно будто бы отливала синевой. Даже пар, валивший из его труб, казался каким-то необычным, очень важным и очень особенным.

Я встал рядом с Конструктором и восхищенно спросил:

– А почему «Синий»?

– Да потому что пьет много, – буркнул в ответ прозаично демон, а затем задумался, присмотрелся, протянул, отвечая каким-то собственным мыслям, – а хотя...

И скрылся внутри. Я отступил на пару шагов и стал любоваться. Из локомотива минуту спустя высунулась Тайла и крикнула мне заходить, но я отказался.

– Мы отъезжаем через минуту, – не поняв отданного мной знака, крикнула она, поскольку уже, видимо, порядком от меня устала, но я пояснил:

– Я принял решение остаться здесь. Я хочу в центр земли! Посмотреть, что там! Ведь в демонологии я уже оставил свой след, мне пора двигаться дальше!

Тайла задумалась, собираясь, видимо, поугovarивать меня для порядка, но ее переубедил голос Конструктора, донесшийся изнутри:

– Ну, хотел он быть демологом, теперь проктологом, что сделать!

Ограницица и правда не стала тратить время, оскорбив напоследок мой интеллект.

Я счастливо и спокойно выдохнул. Ноги у меня болели и зудели, во всем теле я чувствовал ломоту. Мысль о том, что сейчас, проводив Тайлу и Конструктора, а главное мою милую Зиму, в какое-то более-менее безопасное завтра, я сам поем и посплю, очень грела меня.

Я почувствовал, что мне стало легко и спокойно, когда мимо прошел сначала локомотив, потом, постепенно и величаво набирая ход, один за другим все его вагоны. Сказать честно, я понятия не имел, куда мог направиться поезд, находящийся в герметично запечатанном здании, все глубже уходившем под землю, но если мастер Конструктор куда-то собрался, наверняка знал куда. К тому же никто не отменял возможности попасть в Храм по чрезвычайным протоколам, а наличие на борту Тайлы открывало эту возможность.

Я пребывал в уверенности, что все будет хорошо. Положив руки в карманы, я думал эту не обличенную словами или иной конкретикой мысль, какое-то время тупо уставившись в пространство перед собой, а потом сорвался с места и бросился догонять состав.

Что у меня происходило в голове и что меня заставило заявить о своем желании остаться в Цитадели, я не уловил (хотя, наверное, я подсознательно пытался привлечь к себе внимание этим), но это нечто только что улетучилось внезапно и совершенно бесследно. И я понял, что история путешествия Белой Цитадели – это та информация, которую я с удовольствием получу из чужих рук. А я сам все-таки хочу какого-то более предсказуемого будущего, и исследователь недр земных из меня недостаточно бесстрашный.

А поезд мой тем временем увеличивал скорость. У меня уже не осталось никаких сомнений в том, что Конструктор метит в Храм, поскольку большие железные герметичные ворота в конце вокзала так и оставались закрытыми и даже не собирались жужжать, открываясь. Разговаривать в запаянном наглухо с двух сторон помещении, если ты не собрался сводить счеты с жизнью, можно только в том случае, если есть надежда куда-то мгновенно перескочить. Именно это пугало меня больше всего.

В другом случае я бы обязательно успел догнать последний вагон, благо в его конце меня ждала площадка, устроенная на старомодный манер, прогулочной. Но что, если поезд вот прямо через секунду исчезнет без следа?

К несчастью, новая обувь, и без того не щадившая меня, здесь и вовсе начала открытую конфронтацию, и мне пришлось перекинуться котом.

Пытаясь по неприятной, но необходимой привычке предать своим уставшим и уже почти неспособным на подобные подвиги лапам максимальную скорость, я смотрел на площадку и бежал к ней. Я догонял. Я не хотел остаться один.

И вот настал тот самый решительный момент моего финального, не получившегося в прошлый раз (там, на перроне Храма) прыжка. И я прыгнул, и я вытянулся, и долбанулся со всего размаха о поручень площадки резко затормозившего поезда. Перелетев через него, я так и остался лежать, не понимая, что произошло и где именно относительно линии горизонта расположено то, что у меня болит.

Фыркнув паром, металлический гигант начал медленно сдавать назад, метр за метром возвращаясь к исходной точке своего путешествия.

А я, перекинувшись механоидом, проковылял вперед сквозь состав до главного вагона. Изнутри поезд выглядел так, будто сошел со страниц старинных детективных романов. Тех,

где действие происходит в вагоне и по законам жанра ни одно из действующих лиц ни в коем случае не может его покидать. Кстати, я ехал на поезде первый раз.

Миновал я вагон с определенной толикой сожаления, что не могу провести тут чуть-чуть больше времени и заглянуть внутрь пассажирских купе, а еще лучше – купе проводника (куда вход смертным заказан). Впрочем, я спешил и сожалел ускоренно.

– Ну, как у нас дела? – спросил я у Тайлы, как только добрался до головного вагона, и та, бросив на меня не слишком приветливый взгляд и никак не прокомментировав мое возвращение, ответила:

– Плохо.

– Почему? – выдохнул я, оперевшись на приборную панель поезда и устремив взгляд вперед сквозь лобовое стекло. С ума сойти – никогда бы не подумал, что смогу смотреть на железнодорожную дорогу прямо вот так. Хотя первая в жизни поездка – это всегда нечто особенное!

– Храм не принимает, – сказала Тайла.

– Наверное, проблемы с пропускной способностью, – предположил я.

– Для Мастера всегда есть принимающий путь, – ответила Тайла мрачно, и я понял, что это еще не все неприятности, – если не принимают поезд с его позывными, то...

– Но мы же справимся?

– У нас мало времени, – сказала огранщица, проигнорировав мои слова, – если Цитатель опустится слишком глубоко, она просто выйдет за пределы последних сакральных линий, и Храм не сможет принять нас вообще.

Осознать это мне оказалось сложновато, и, когда поезд остановился, для того чтобы перевести дух и, разогнавшись, попробовать снова добраться до Храма, я посмотрел в упор на Конструктора. Он стоял тут же, мрачный и сосредоточенный. Свою ношу он, очевидно, сгрузил в одном из купе и сейчас занимался исключительно управлением.

– А почему Мастер не перенесется в Храм и просто не разберется, в чем дело, раз такая беда? – поинтересовался я у Тайлы тихонечко. – Он же в силах весь паровоз перенести, если я не ошибаюсь.

– Не ошибаешься, – сообщил мне довольно резко первый из нерожденных, а затем, отдав Тайле команду набирать скорость, добавил: – Но когда я попытался это сделать, то просто остался на месте. Храм вообще не принимает никого. Его закрыл кто-то, кто знает очень древние установки, оставленные моим братцем-идиотом. В начале этого мира Ювелир провозгласил, что Храм никогда не закроет межей, и отстоял для него это право. А сейчас Храм опечатан. Значит, кто-то вскрыл протоколы еще тех времен.

– Что значит «опечатан»? – спросил я, глядя на то, как головоккружительно быстро набирает скорость прекрасный локомотив-голем.

– Это значит, что Храм пал. Что Храм – взят. Что он под чужой рукой. И да. Мы сползли ниже уровня сакральных кругов!

Поезд только что миновал платформу. Он, сильно качнувшись, перескочил на ближайшей стрелке вправо и ушел вбок от так и оставшихся неподвижными ворот. Пошел по пути, уходящему без всякого отбойника в конце прямо в стену. Кроваво-красное, ставшее уже совсем бурым каменное стекло, будто находящееся во внутреннем движении, становилось все ближе и ближе к нам, а Синий набирал и набирал скорость, хотя казалось, куда уж больше – расстояния-то до стены и осталось-то только, что на секунду или меньше, просто воспринималась та секунда как-то ненормально медленно.

Я так и стоял, уверенный в том, что мастер Конструктор в самом конце или перескочит в Храм, обойдя каким-то образом все эти «протоколы», или резко остановит состав, но я ошибся, и мы, продолжая поворачивать вправо, вошли в стену.

Не в смысле, что мы в нее врезались, а в смысле, что мы в нее действительно вошли и поехали вперед, внутри стены. Именно так: не в каком-нибудь тоннеле или потайном пути,

а там, внутри этого багрового стекла, как в воде или чём-то наподобие. Ехали, поднимаясь по спирали вверх.

На какое-то время я застыл от накрывшего меня когнитивного диссонанса, потом огляделся, но в локомотиве вроде бы все шло своим чередом: мастер Конструктор стоял с крайне недовольным видом; Тайла работала, а Синий перемещался вперед. Так что вот, мы просто ехали себе, ехали внутри багровой субстанции. А она всего какие-нибудь тридцать минут назад представляла из себя многовековой камень. А мы... перемещались. И все хорошо. Конечно, первый раз должен быть особенным, но не до такой же степени!

– Тайла, а... – подал я голос, – а как ты там говорила... время и энергия...

– Тихо, – шикнула она на меня, и я снова стал тупо пялиться в багровый туман перед лобовым стеклом. Так продолжалось секунд с десять, а потом огранщица пояснила мне:

– Мы пытаемся добраться до сакральных линий, прежде чем Цитадель окончательно уйдет в землю. Движемся по спирали вверх. Пока что верхние этажи еще на поверхности. Если мы сможем выбраться к озеру или хотя бы зацепиться за сакральные линии, то Мастер сможет вытащить нас на один из запасных железнодорожных путей мира.

– Ладно, а если не выйдет? То мы просто остановим поезд?

– Пушистик, как мы остановим поезд?! Ты не видишь, что мы в центре стены?!

– Тайла, да я же не знаю, я вообще не знаю, что происходит! – взмолился я.

– Белая Цитадель – мастер по работе с черным веществом, – объяснила огранщица, – она изменила структуру собственных стен и продолжает ее динамически менять, пропуская нас внутри себя вверх. Чтобы сделать это, часть материи наверху она вытеснила.

– Вроде как освобождает пространство сразу перед нами? И мы как в мыльном пузыре? Кровавом мыльном пузыре с поездом внутри, поднимающимся по спирали внутри стен здания, который стремится догнать невидимую границу взаимодействия Храма и мира?

– Да... вроде как, – согласилась Тайла.

Я обернулся на лобовое стекло, сожалея, что в этой ситуации нельзя просто взять и откуда-нибудь спрыгнуть, потому что в прошлый раз в похожей ситуации это здорово помогло.

Все светлеющее от карминового к алому вещество за обшивкой поезда становилось белее и чище, пока, наконец, не стало совершенно прозрачным. До такой степени, что я смог различить измененный взрывом пейзаж Снов Зимы, а значит – мы достигли самого верха.

Тайла вцепилась в приборную панель, стиснув пальцы до белизны. Я, наверное, поступил аналогичным образом, хотя своих действий в этот момент не помню. А Конструктор отдал приказ, и мы вылетели за пределы границ здания, еще какое-то время продолжая подниматься и подставляя завораживающе прекрасный бок поезда под обстрел не утихающей Оружейницы. Эти интуитивно пугающие золотые и рыжие столбы света, казалось, стали еще ближе.

Я видел, своими глазами видел, что шаровые молнии вот-вот поразят нас, но реакция и расчет Конструктора превзошли мастерство Оружейницы, и мы в целом невредимыми здорово приложились об ледяное стекло ската в чашу высушенного озера. Мы мчались, как на салазках, по странной горке вниз, кроша лед еще вращавшимися колесами и уходя все дальше от цели Оружейницы. Энергетические бомбы, дважды прошедшие выше нас и один раз взрыв землю со стеклом как раз перед носом поезда, остались позади. Хотя и частота, и сила их только нарастали мгновение от мгновения.

Оказавшись внизу, мы прокатились по льду еще несколько метров и остановились. Миновало несколько секунд тишины.

– Ладно, – сказал Конструктор и, разогнувшись, начал снова приводить в движение колеса Синего, – сейчас попробуем найти какой-то запасной путь на Великом Хребте.

Меня вырвало.

Пока я думал, где тут может лежать половая тряпка и как ее потом промыть, Тайла наклонилась надо мной и тихо спросила:

– Хочешь секса?

Я очень хотел.

Глава 2. Я и разные дела, разговоры и странности в поезде

Конструктор, разумеется, сразу же убрал нас из опасного места, и мы перескочили на железнодорожный путь в миру подальше от цитаделей Хозяина Гор. Там, где-то в паутине Хребта Мира, мы более-менее спокойно продолжили лишённое определенной цели движение. Мы не спешили никуда, просто не оставались на месте. Этого вполне хватало, чтобы снова не превратиться в мишень, и, насколько я мог судить по отсутствию зловещих световых линий на горизонте, нам это удавалось.

Я немного провел времени с Тайлой, обнаружил себя плохим любовником, поскольку по привычке начинать снизу поцеловал ее там и выяснил, что ранка на языке все еще ожидала любого момента, чтобы открыться. Дальше я попытался исправить положение, но мы уже потеряли слишком много времени, и отдаться бездумной страсти не вышло.

Словом, мы просто выпили по случаю нашего чудесного спасения чай. Ну, не чай (заварки здесь, конечно, не нашлось) – кипятик. Тайла добыла нам по кружке, мы поболтали об общих знакомых, сиречь о Лири, «демоне», и, как ни странно, кошке Шестерёнке.

После Тайла сказала, что займется внутренними системами Синего. Я решил, что она хочет просто побыть одна и, вызнав, где здесь источник горячей воды, за неимением лучших развлечений пошел к титану. Наполняя еще не остывшую кружку, я заметил, что нахожусь напротив просторного купе проводника, где как раз сидит мастер Конструктор и безуспешно пытается открыть какой-то портсигар. Встретившись со мной глазами, демон позвал:

– Эй, Пушистик, тащись сюда. «Белую пену» хочешь?

Он сидел у окна. Я пригляделся к тому, что он теребил, и распознал в этом несессер, какие носят при себе механоиды, нуждающиеся в постоянном приеме лекарств. Там, очевидно, содержалась пара доз очень дорого наркотика «белая пена», дающего отличные ощущения и никаких последствий. Говорят, что к нему даже не привыкаешь, но, водились бы у меня такие деньги, я бы не слез. Стоит ли вам говорить, дорогие читатели, что я тут же наполнил вторую кружку, чтобы не идти с пустыми руками, и направился к демону?

В купе находилось укрытое с головой простыней тело Часовщика. Это сразу же сбilo с меня предвкушение. Насторожившись, я крепче сжал кружки в руках, чтобы не обвариться, если поезд вздумает качнуться сильнее. Чашки я хотел поставить на столик, но там лежали какие-то бумаги, и я не захотел испортить их случайно. Не зная, что сделать, я сел.

Признаюсь здесь, раз раньше не вышло, – я никогда не любил находиться в одном помещении с покойниками. Оно, с одной стороны, конечно, понятно – кто же может это любить? Но с другого угла зрения, я все-таки учился на сотрудника Центра, а ведь именно мы в основном провожаем усопших в Лабиринт. В моем классе двое или трое ребят сознательно выбрали это направление, поскольку считали, что именно здесь они смогут максимально и ежедневно проявлять себя. Как-то уменьшать чужую боль, помогать литься слезам, драть за все втридорога... как-то так... но я от этой части нашей работы всегда отлынивал.

Тем не менее среди тех навыков, что я, сам того не желая, приобрел, значилось умение тихо сидеть перед гробом. И вот тут оно само собой вспомнилось мне.

Мастер Конструктор забрал у меня из рук кипятик и пихнул несессер, алчно велел открыть. Я не смог. Небольшая, богато украшенная коробочка никак не желала разжать миниатюрный замок. Казалось, что сделать это очень несложно, но правильного усилия я применить так и не сумел, как ни пробовал.

– И ты тоже нервничаешь, – сочувственно протянул Конструктор, не скрывая разочарования, – везде тревоги. Проклятый Ювелир. Как же я его ненавижу, один Отец знает. Я, – вскинулся демон, отдав знак указания на тело Часовщика, – я показывал его Зиме, она ничего

не вспомнила. Надежды, конечно, что она сможет проснуться к сознанию, просто посмотрев на труп, я почти не питал, но все равно... я все равно попробовал.

Я пригляделся к демону – не сказать, чтобы он как-то особенно скорбел. Он выглядел усталым и только-то. Сейчас он, конечно же, думал о мире, не позволяя себе предаваться отчаянию из-за смерти брата. Он держал себя в руках... и мне следовало. С определенным скрипом я включил собственные мозги и принялся снова думать о демонологии. Нужно сказать, что за последнее время я как-то смирился с ней и притерпелся. И первым делом я положил в своей мысленной книге закладку с вопросом о том, почему величайший демон мира таскает с собой неисправный несессер.

– А почему Зима в вас не влюбилась? – спросил я. – Вы же мужчина, и вас она точно хорошо разглядела. Ведь вы не могли все это время избегать визуального контакта.

– Потому, что у нас не совпадают циклы, – пояснил Конструктор. Он отхлебнул воды и уставился в кружку с определенным удивлением, словно бы та его в чем-то обманула. – Я влюбляюсь только в женщин-механоидов, живу с ними, как механоиды живут, и чувствую этот мир так, как они чувствуют, или даже острее, а потом... – он выплеснул мое угощение прямо себе под ноги. – Любовь Зимы – не такая, она константна... Она, видимо, длится вместе с циклом мира от Войны Теней к Войне Теней...

– Почему вы так уверены, если эта Война только вторая? Цикл – это как минимум два повторения, – пробормотал я как-то по инерции.

На меня навалилась усталость. Сон, долгий и счастливый, должен был оградить меня от всякой новой информации, подлежащей анализу и необходимости делать судьбоносные для всего мира выводы. Сон без сновидений. Сон без Снов.

– Цикл – это как минимум два повторения, – согласился Конструктор, встал и достал из небольшого стенного бара бутылку. Время стерло этикетку, но коньяк я узнал и по цвету. – На самом деле считают только большие войны, но в действительности Войн Теней случилось три. Первая, – он налил себе, мне не предлагал, но я умелым движением подставил кружку, и Конструктор поделился, сделав это, видимо, скорее по привычке, поскольку потом не слишком приветливо на меня взглянул, – первая война теней, – повторил он, закрутив бутылку, – длилась очень недолго – я дал Всаднику Хаоса в морду. Да так, что он издох. И тогда-то как раз и случилась Заря Мира: появились механоиды, и пришла Зима. И Ювелир изменился – стал таким, каким ему следовало стать для вас, отродий Часовщика.

– Но ведь Зима раньше не предавала Господина ради другого, – промямлил я, даже не озаботившись вопросительной интонацией.

– Она... – пустился в оценочные воспоминания Конструктор, – не успела отвергнуть его и уйти, потому что ее убили раньше. Она ни разу не поцеловала того, другого, и даже не коснулась его, но за эту измену, даже платоническую, за мысленную страсть ее разорвали на части в прямом смысле слова. Это казалось неслыханным преступлением, святотатством...

– Ее, чужими руками, убил он? – я кивнул на труп.

– Нет. Он поздно узнал, он не успел спасти ее, – Конструктор отпил из кружки, одобритительно крякнул и продолжил: – Точнее... я *думаю*, что он поздно узнал. Точно никто не узнает. Могу сказать лишь, что он любит ее и всегда любил от инкарнации к инкарнации. Это настоящая вечная любовь, она благословляет этот мир, и ты тут...

– Песчинка на ветру?

– Хвост облезлый.

– Нормальный хвост.

С минутку мы посидели молча. Я держал кружку в руках, но пить спиртное из-за плохого самочувствия не хотел. Меня уже довольно согревало само знание о том, что коньяк у меня есть и я смогу использовать его по назначению, если захочу, а это желание уже маячило в самом ближайшем будущем. Я просто ждал, когда оно полностью мной завладеет.

Поразмыслив на отвлеченные темы и потащившись в окно, где из-за горевших ярко в купе огней отражались только наши с господином Конструктором фигуры, я снова заговорил, проясняя наше ближайшее будущее:

– Миру осталось жить всего один месяц. Почему мы не едем в Храм?

– Потому, – назидательно сообщил мне мой собеседник, – что я пока не знаю, что именно произошло. Ясно лишь, что его захватчик посмел нарушить правило, что Храм ни перед кем не закрывает дверей. Тот, кто это сделал, не просто дурак, а очень, очень умный дурак с квалификацией не меньше механика мира. Кто-то из молодых, впрочем... конечно, из молодых, – он самому себе как-то неодобрительно отдал знак принятия, – старики-то все здесь. Как ты сказал – ты видел Всадника Хаоса? Мужчину, не женщину в мужском платье?

– Без всяких сомнений – мужчину, – подтвердил я.

– Значит, бедная девочка все-таки умерла. Надеюсь, эта инкарнация станет наконец поумнее и не будет всем нам доверять... Тогда у нас три варианта – Всадник Хаоса, Кода, что вероятнее всего, или новая инкарнация Ювелира, чего бы мне очень не хотелось.

– Я за Коду... – сделал я ставку, – ведь вы отсутствовали всего-то час или полтора. За это время такие изменения в Храме мог сделать только тот, кто и так там уже находился.

– С Кодой все не так просто, как может показаться. Она способна искренне любить, что неизбежно рождает проблемы.

– Да, я могу ее понять. У меня ведь у самого...

– У тебя мутировавшая в идиотию экзальтация. А Кода способна любить. И если бедная девочка захотела вести собственную игру, то спаси нас всех небо. Допустим, она правая рука Всадника Хаоса, значит ее господин пришел, как только ты выманил меня, убив Часовщика.

– Не убивал я никого! – возмутился я его наглостью. – Вашего брата убил тот, кто его отравил, а не я, и вы прекрасно это понимаете.

Конструктор не ответил мне, сделав еще глоток из чашки. Его манера пить показалась мне непривычной и оттого не очень приятной. Как правило, в своей компании знаешь уже каждое движение собутыльников, напитки сами диктуют условия поведения при их потреблении. И вроде бы Конструктор не делал ничего особенного, ничего нелогичного или глупого, но я... не захотел пить с ним, хотя и мечтал о чем-то вроде этого момента – пить древний коньяк с создателем мира. С того самого момента, как увидел Зиму впервые...

Мой взгляд упал на бумаги, лежащие на столике. Я без труда узнал среди них адресованное Коде послание, что выпало из старой книги, посвященной связанному с моим рождением эксперименту. Я его в последний раз видел... где-то пару суток назад, в прошлой жизни.

Скосив на Конструктора взгляд, я осторожно потянулся к бумаге и с молчаливого разрешения демона взял письмо, одновременно с этим положив на столик несессер. Меня уже буквально переполняла уверенность, что это любовное послание от Всадника (или Всадницы) Хаоса, и я действительно прочел адресованное Коде, полное любви и нежности послание, подписанное... Иннар.

– Я не знал об их интимной связи, – прокомментировал Конструктор с такой интонацией, словно речь шла о том, что сейчас за окном. Что-то вроде «о, уже вечер, а я и не заметил».

Я очень осторожно (поскольку совершенно не представлял, какие эмоции в действительности рождает все эти новости в великом демоне) положил письмо на место и молча посмотрел на Конструктора. Я ждал, что тот сам продолжит говорить, и он, решив больше не наполнять кружку, взял всю бутылку к себе на колени:

– А Ювелир знал. Но он не сказал мне.

– Возможно, именно поэтому Кода его и подставила? Она любила Иннар, все это время знала, где та находится, и поэтому просто подтолкнула Ювелира к Тени?..

– Зачем? – меланхолично спросил Конструктор. – Ведь он не шантажировал ее. Более того, если бы на него не напали, то и письмо бы не нашлось. Да и что толку ее шантажировать?..

Ведь если бы я узнал об этой их связи раньше, если бы я узнал, что кто-то еще любит Иннар и готов рискнуть жизнью, лишь бы о ней позаботиться, я... бы только приветствовал это, – он сделал большой глоток из бутылки, не закашлявшись и даже не сбившись с дыхания, – наверное. Иногда со мной тоже непросто.

– Ювелир любил Иннар? – тихо начал я утопать в омуте любопытства.

– Он любил ее душу. Даже не так... не любил, это разумнее назвать страстью. Такая страсть, что пышет жаром от кожи. Я запрещал ему поднимать на нее взгляд, я запрещал ему видеть ее, потому что сходил с ума от мысли о его страсти к ней. Но... Он ее не любил в том смысле, что ты спрашиваешь, нет... это не плотское влечение.

– И тем не менее у них есть общая дочь, – попробовал я осторожно.

– Лири действительно похожа на его ребенка, – согласился Конструктор, – но Ювелир не помнит о том, чтобы он вступал в интимную связь с Иннар. Я знаю, что он не врет.

– Спать не спали, а дочка есть? Знаете, как это всё...

– Ювелир не врет мне, – надавив интонацией, демон умолк, сделал большой глоток и продолжил, – я хотел ребенка от Иннар, а она не могла выносить. К тому же не хотела из-за карьеры и личного времени. Мы часто ссорились из-за того, что она не хотела того же, что я.

– Тогда зачем ей ребенок от Ювелира? Ведь очевидно, что пришлось сделать что-то сверхъестественное, что бы... ну... изнасиловать его, получается. Не вижу тут логики.

– Это все затем, Пушистик, чтобы я успокоился и не замечал, как она изучает чертежи Машин Хаоса и передает информацию за Первый Порог, ищет Всадника Хаоса, работает над интеграцией Лабиринта, – сказал Конструктор. – Скорее всего, причина в этом. В действительности, я... я не знаю, не могу понять... как так вышло.

– Знаете, я видел сон, – признался я, – про Ювелира и Коду. Он... кажется, плохо себя чувствовал из-за какой-то души, и речь шла о глубокой регенерации мозговых тканей.

– Нонсенс, – неласково ухмыльнулся Конструктор. – Он не мог так подставиться. А если ты прав, то... он меня этим предал. Позволил сделать это с собой, допустил. Он не имел, не имеет и не будет никогда иметь права на слабость, а значит, он это сделал специально.

– У вас есть Лири, – напомнил я ему, – вы вините брата в том, что у вас есть дочь?

– Да! Потому что ее бы не существовало на черной земле, если бы она не имела значения для всей этой игры! Он допустил ее в мир, чтобы она здесь страдала.

– Вы думаете, что Лири – ключ к раскрытию дара Иннар? – сделал я нехитрый вывод. Конструктор глухо застонал, откинувшись на спинку диванчика.

– Я хотел бы снова понимать своего брата. Это даже важнее, чем его найти, хотя и очень близко к этому. Ювелир, знаешь ли, слишком аккуратен, он не оставляет следов. И он умирает. А я упускаю что-то важное или, возможно, уже давно упустил. Я теряю с ним связь.

– Почему бы вам просто не поговорить? – аккуратно предложил я.

– Мы разговариваем, – отозвался Конструктор, потянувшись к несессеру. Он щелкнул его по краю, закружив, – мы разговариваем, и, по-моему, он только что на меня накричал.

– Вы имеете в виду длинный разговор? – припомнил я слова Часовщика. – Невербальный, невероятно растянутый во времени способ общения? Нет, я... я имел в виду просто взять его, усадить перед собой и поговорить. Спросить, как вообще обстоят дела, что происходит: как он это видит, чувствует, что его беспокоит?.. Конечно, его для начала придется все-таки...

– Пушистик, – оборвал меня демон, и я грустно на него посмотрел, – ты такой умный. Скажи, а... ты в этих своих снах не видел случайно условий раскрытия дара Иннар?

Я не ответил сразу, потому что отказывать демону побоялся, а видений или снов в этом ключе у меня не случалось. Конструктор верно понял мое молчание и безрадостно протянул:

– Жаль. Ведь грядущая война, вся эта война – это война за душу моей Иннар.

– Почему она так важна?

– Дело не в ней, а в незыблемых законах механики мира, что она сосредотачивает вокруг себя. Ювелир не может от нее отступить, я – не могу ее отпустить, Кода предает ради нее мир, а Всадник Хаоса создает Лабиринт. Для нее. Дело не только в Иннар, в моей любимой, моей гениальной Иннар, а в том, на что мы все готовы ради нее. Вот суть. И Ювелир, и даже Часовщик во всем этом... только ожившие правила игры, и ими играют.

– Кто играет?.. – тихо спросил я.

– Вы. Ты и Тайла, и все в этом мире. Вы строите всё так, как хотите... Ваш род пошел от Часовщика в тот день, когда разразилась, продлилась двадцать минут и кончилась самая первая Война Теней. С того момента, как появились на свет первые из вас, вы... делаете этот мир таким, каким он вам нужен. И я вам подчиняюсь.

– Мастер? – спросил я его тихим шепотом, и он отозвался:

– А?

– А у двух демонов всегда рождаются механоиды?

– Да, конечно.

– А у демона и механоида?

– Механоиды. Демон не может родиться, его может только создать Сотворитель.

– Мастер, – выдохнул я посвободнее, раз уж у нас заладилась диалог. – А я умру?

– А ты сам как думаешь?

– Вы сейчас меня убьете, чтобы спасти Ювелира? – высказал я догадку, похолодев.

– Он ранен и слаб. Ему нечего здесь делать, Пушистик, – ответил мне бесхитростно господин Конструктор, – даже если бы я мог бы его вернуть, то... как я позабочусь о нем? Если Храм пал и Машинам не включиться, то, наверное, ему лучше там, в паутине железных дорог, так что... Часовщик действительно принял лучшее решение для его блага. Нет... мы с тобой будем искать Всадника Хаоса, и, принеся в жертву черного кота, его не вызовешь.

– Так он же в Храме, – облегченно выдохнул я. – Зачем нам его искать?

– Может, в Храме, – отозвался Конструктор. – А может – нет.

– А может быть, да. Как вы планируете его убить?

Конструктор рассмеялся:

– Зачем мне его убивать, он же мой брат. Я приведу к нему Зиму, и пусть она, посмотрев на него, проснется к сознанию. За это он благословит Машины Творения на борьбу с Хаосом. Хотя бы еще один единственный раз. И мы продлим жизнь мира еще немного.

– Зачем бы ему благословлять Машины? – резонно заметил я.

– Из дальновидности. Чтобы Зима видела начало интеграции мира и Лабиринта. В таком случае, даже если эта интеграция пройдет неудачно, то у Всадника появится еще один шанс. Мир войдет в невиданный ранее цикл. А иначе нынешняя попытка, потребовавшая на себя три войны, станет единственным шансом. Хотя, конечно, его ответ неизвестен заранее.

– А... – я обернулся на стенку, за которой в соседнем купе сидела Зима, – а... как это всё... как это всё перевернуть?

– Может, ты это увидишь во сне? – философски предположил Конструктор, сделав из бутылки такой большой глоток, что я счел за лучшее уйти из купе побыстрее.

Ему бы лучше сейчас поспать. Не в том смысле, что он пьян (хотя, возможно, это и так, я не знал, может ли он вообще пьянеть, и хватает ли ему для этого столько, сколько он выпил). А в том, что он уже близок к принятию таких решений, какие принимаются от длительной накопленной усталости, и мне вовсе не хотелось бы этого.

Наверное, потерявшего в том или ином смысле обоих братьев и почти потерявшего мир Конструктора можно понять, но я не собирался ни понимать его, ни входить в его положение. Нужно, чтобы он поступал правильно и вообще не допускал ошибок. Иначе зачем он нужен?

– Пушистик, – окликнул он меня, как только я, покачнувшись вместе с поездом, неловко встал, – а ты видел во сне... как они... Иннар и Кода, Ювелир... ты... видел это?

– Нет, – ответил я совершенно искренне.

– Имей в виду, если тебе когда-нибудь это приснится, то я запрещаю тебе это смотреть.

– В каком смысле?

– В прямом. Зажмурься.

Я вышел и закрыл дверь. Постоял в коридоре с минутку, а потом зашел в соседнее купе, где сидела Зима. Сел рядом с ней. Здесь огней не зажигали, и от окна на нас обоих ложился свет низких и высоких звезд, разделяемых тут и там сполохами вертикальных линий Снов Оружейницы. Луна не виднелась. Она прятала свое убывающее тело за низкими облаками, и о ее присутствии напоминал только размытый ореол света. По купе гуляли тени. Безвредные – просто игра тщедушного звездного света, они блуждали туда и сюда, заглядывая под сиденья и даже внутрь моей кружки с ее так и непочатым содержимым.

Я сцепил пальцы и, набравшись мужества, поднял на Зиму глаза. Она сидела, глядя перед собой. В голубой радужке тоже плясали отблески и тоже милые, тихие, безвредные тени высоких и низких звезд. Я хотел дотронуться до нее, прикоснуться, но не посмел, конечно, и вместо этого, стиснув опять кружку, просто тихо произнес:

– Вот... как-то так. – Осмыслив эту не самую замысловатую в своей жизни фразу и подумав, что ее как-то нужно расширить, я заключил: – Вот как-то... оно так... вышло.

– Пушистик, – позвала меня от двери в купе Тайла.

Я обернулся на нее. Грустно улыбнулся. Она отдала неизвестный мне, но не сказать, что сложный для исполнения знак, и я отдал ей такой же.

– Нет, – рассмеялась она, привалившись к двери купе, – вот так, – она показала мне знак, – соглашаются, а так, – еще один, совсем не похожий, – дают отказ.

Я отдал знак согласия и спросил:

– А на что?

– На секс.

– Ой нет, – рассмеялся я, поставив наконец кружку с коньяком на столик, – нет, я второй раз не переживу такого позора.

– Тогда просто не стоит больше позориться, – посоветовала почти без иронии она, – в этом поезде все равно больше нечего делать: Синий сам правит собой.

Здесь следовало признать ее правоту. Конструктор явно не собирался предпринимать активных действий в ближайшее время. Мир не провалился в бездну Хаоса прямо сейчас. Мы могли жить еще целый месяц... Или один вечер, ну или час... час точно могли. Я улыбнулся Тайле и отдал специальный знак принятия, сразу после этого уже у выхода из купе уточнив:

– Так принято в мастерской Ювелира?

– Во всем Храме, – поправила меня огранщица.

Я снова оценил ее взглядом. Мне она показалась сейчас очень притягательной, созданной из необычных сочетаний. Теплая спецовка, удобная защитная обувь, пояс для инструментов, всё как следует. И меж тем – очень ухоженные руки, заботливо окрашенные волосы, от кожи даже сейчас приятно пахло косметикой. Все это никаких диссонансов не вызывало, сливаясь в ее образе органично и привлекательно.

– А я, признаться, считал, что там у всех целибат, – улыбнулся я, чувствуя к Тайле в основном податливую усталость, – но, с другой стороны, все логично: вы должны каким-то образом расслабляться, если вам запрещены все иные средства, включая кофе...

С этими словами я выбрался из купе, закрыл за собой дверь и уже направился туда, где мы кинули вещи с Тайлой, но огранщица придержала меня за локоть, обратившись серьезно:

– Я не поблагодарила тебя за Лири, – в холодном тоне Тайлы я не услышал никакой мягкости и даже замер, решив, что она меня выманила, чтобы побить. Она могла.

– Спасибо, – настороженно отозвался я.

– Но ты никогда не должен ее касаться. Ни при каких обстоятельствах. Понял?

– Сотворитель мне страж, – заверил я ее совершенно искренне, расслабившись, – ни в коем случае, Тайла, я же не враг себе! Лири очень милая и приятная девушка, но у нее в голове бардак бардаком. Любые фривольные намеки она бы поняла слишком близко...

– Послушай внимательно, очень внимательно, – перешла на низкий шепот Тайла, и я подобрался, – ты не должен никогда, ни при каких обстоятельствах лезть к ней сам и не должен никому из других мужчин позволить этого!

– Так вы – вместе?

– Нет, Пушистик, она посвятила себя, дав обет Сотворителю! Она поклялась жизнью и, если нарушит обет, в ту же секунду умрет от остановки сердца. Это тот же сакральный механизм, что держит брачные договоры между демонами.

Раньше, вот буквально секундочку назад, я как-то все еще верил в мир, в разумность механоидов, живущих в нем, в педагогику, какое-то там... общее гуманистическое сознание... Но все эти возвышенные мысли как одна разбились сейчас, словно морская волна о скалу, о простой и непреложный факт существования Лири.

– Она... что, прости, сделала? Дала Сотворителю сакральный обет хранить сексуальную верность одному механоиду?!

– Не механоиду, Пушистик, – горько согласилась Тайла.

– Кому? – тихо, надеясь, что Тайла назовет имя... я не знаю, Оружейницы, например, (почему нет), или, давайте пройдемся по экзотике, – демону Музыкальной Шкатулки.

Но Тайла мне не ответила, красноречиво промолчав, и я одними губами спросил:

– Конструктору?! Но он же ее отец! Он считает себя ее отцом! Да и... ладно с тем, что отец, здесь мутна вода, но он – демон с четко заданным циклом, он по законам мироздания...

– Вот именно, – тихо заключила Тайла, и я догадался, кто запечатал Храм, и вовсе зря мы гршили на Коду. Лири! Эта маленькая избалованная девочка с образованием механика мира и руками не из того места боролась за свою любовь. А этому чувству, как и положено всякой подростковой любви, противостоял весь мир. Но ведь механик мира на то и механик, что он может... изменять мир!

– Тайла... как она это смогла сделать, она же плохая огранщица?

– У детей Ювелира в первом поколении есть особые маркеры ликры, – с болью призналась та, – сама она бы не справилась, но Айрув – чрезвычайно мощный оператор, хороший механик мира, он...

– Я не помню, кто это, – признался я. – Шестой ученик из вашей мастерской?

– Да, – ответила Тайла, – и он влюблен в Коду, он ей бредит, и она для него недоступна.

– Тайла, это же край, – прошептал я, и она отдала мне знак согласия. Я заметил, что, отвернувшись, она спрятала мелкие, непрошенные, совсем мужские слезы, и я обнял ее сзади, стараясь утешить:

– Не беспокойся, ведь мастер Конструктор действительно любит Лири. Да и потом, в Храме Кода – у нее есть голова на плечах, она обязательно придумает, как смягчить ситуацию, ну а что до мира, так мы и с ним как-нибудь управимся: Всадника Хаоса позовем, Хозяина Гор, или найдем Ювелира, а может, выищем нового демона, или ну этих демонов – справимся сами, но мы... решим все беды, вот увидишь, – обняв ее покрепче в ответ на то, как она поддалась мне и немного прижалась, я спрятал лицо у нее в куртке между плечом и капюшоном, призывая таким образом ее приласкать меня по волосам. Она не приласкала. Тогда я поднял на нее взгляд. Уточнил новым знаком о сексе, получил отказ, и она ушла.

Я с готовностью вернулся в купе к Зиме. Устроился напротив нее по ходу движения и стал смотреть. Мне показалось глупым и даже оскорбительным растратенное только что на пустые разговоры время. Зачем я делал это, когда я мог просто находиться здесь и следить мгновение за мгновением, как преображают блуждающие огни лицо моей единственной, моей возлюбленной Зимы.

Смог бы я коснуться ее сейчас: заповедно, без ее разрешения? Нет, никогда бы и ни за что не смог, ведь все, что между нами произошло, эти искренние взгляды и эти годы невзаимных чувств, все это висело в воздухе, в пространстве между нами, и чтобы это преодолеть, требовалась волшебная животворящая сила слова – согласие, принятие нами друг друга.

Я думал о циклах, я думал о правилах мироздания, по которым развивается ее чувственность. И я думал о собственном неправильном и кривом восприятии мира, позволившем мне, по крайней мере, увидеть ее, коснуться ее руки с полным правом, пусть и отвергая.

Сейчас место, где я находился, казалось мне единственно возможной точкой собственного существования. Словно всё, чем я когда-либо являлся и кем мог бы стать в будущем, сосредоточилось в этой самой секунде бытия, и я, если пошевелюсь или вздохну неверно, вовсе пропаду из ткани мироздания.

Я чувствовал себя спокойно. Это ощущение точнее всего можно описать как странное, очень сосредоточенное и очень обреченное спокойствие, будто отрешенное от всех прочих блуждавших у меня внутри эмоций. Я слышал, что в поездах часто поют. Что буквально невозможно смотреть на то, как бежит лунная дорожка по глади озера, как горы медленно плывут вдалеке, и не запеть, не выразить этим естественным и простым для каждого жестом свое единство с этим миром и этой дорогой.

Освободившись от обуви, я подобрал под себя ноги и продолжил сидеть. Поднялось внутри груди странное напористое, гнетущее, душасщее чувство, невыраженное ни в каком внешнем желании или страсти. Это походило одновременно и на страх, и на странную экзистенциальную печаль – полное сознание невозможности чего-то в будущем, полное принятие безответности чувств и бессмысленности любых моих намерений. Но я запер его внутри себя на замок, я не позволил ему показаться наружу слезами или страхом. Ведь оно могло бы нарушить танец теней внутри нашего маленького, покачивающегося в такт перестуку колес мира.

И я, прислонившись головой к стене, так и продолжил смотреть на Зиму в несбыточном путешествии в ночь, пока усталость не победила мое намерение не потерять ни мгновения и я не уснул.

Я проснулся еще затемно. Тайла тихонечко лежала рядом, уткнувшись по-детски в подушку. Я сам обнимал во сне ее со спины. Как я оказался в одной раскладной постели с границей и что произошло между нами перед этим, я не помнил.

Я прекрасно отдохнул: мне не снилось никаких дурацких непонятных снов, но казалось, что в купе очень душно. Просыпаясь, я, еще не полностью осознавая, что делаю и зачем, коротко провел пальцами по задней части шеи Тайлы от спины к волосам. Мне захотелось ее. Захотелось каким-то непередаваемым, непереносимым желанием, не имеющим общего со светлыми чувствами ничего. И потому – постыдным до крайней степени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.